

Евг. Б. ГУРВИЧ

Владимир Соловьев и Рудольф Штейнер¹

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР О СОЛОВЬЕВЕ

/С начала двадцатого столетия, и особенно после 1910 года, Рудольф Штейнер пришел к заключению, что человечество находится в начале резкого изменения своего духовного строения. До тридцатых годов нашего века сознание было основано лишь на физических чувствах, связанных с разумом. Для многих такое состояние продолжится еще долгое время, но появляются и такие, и их становится все больше и больше, которые приобретают наряду с интеллектуальным сознанием (которым они продолжают пользоваться вполне) также и иной способ сознания — «новый род ясновидения», которое, не затрагивая интеллекта, даст человеку возможность новой ориентации по отношению к природе и ее силам, к человечеству и к духовной жизни. Изучение научных трудов, касающихся духовной жизни человека в древние времена, показывает, что интеллект не является первичным нормальным сознанием человека. В Библии Адам, Авраам и Моисей общаются с Богом, как с равным. Сознание человека древних времен — некоторые ученые называют его «мифическим сознанием» — было ясновидением, исключавшим использование разума.

Разум, в современном смысле этого слова, выявляется не раньше чем 5000 лет тому назад, примерно в то же время, когда впервые возникает письменность. Рудольф Штейнер считал, что духовное строение человека находится в процессе непрерывного развития, и с 1910 года определенно выражал свое пророческое мнение по данному вопросу.

В связи с этим Рудольф Штейнер несколько раз обращает внимание на Соловьева, как на предтечу такой будущей душевной жизни, в которой интеллект и высшее сознание не исключают друг друга, а дополняют — как сон и явь./

В докладе, прочитанном 19 сентября 1911 года *, Рудольф Штейнер заговорил о Соловьёве (вероятно, впервые): «Мы знаем, что еще много пройдет времени, пока люди научатся духовно созерцать. Но в двадцатом веке это развитие начнется, и в течение трех тысячелетий все больше и больше людей дойдут до этого. Ближайшие три тысячи лет человечество посвятит этому. Но для того чтобы это могло произойти, развитие, под влиянием духовного руководства человечества, пойдет в том направлении, что люди смогут добиться все большего понимания оккультной жизни... Это развитие идет в двух главных направлениях. Одно состоит в том, что существует так называемая западная философия и что самые элементарные понятия духовного мира исходят из самих основ философии. И интересно, что оказывается, если посмотреть в общем, что произошло в науке западной культуры? Окажется, что некоторые люди начинают мыслить чисто интеллектуально, другие основываются на почве религиозной жизни, — иные же принадлежат к обеим группам и одновременно переполнены тем, что может дать только общее основное воззрение духовного мира. Повсюду видна духовная жизнь, исходящая из западной философии. Я хочу только назвать Владимира Соловьёва, русского философа и мыслителя, истинного ясновидца, несмотря на то, что только три раза в жизни ему удалось увидеть чистый духовный мир: в первый раз — девятилетним мальчиком, во второй раз — в Британском музее, а в третий раз — в пустыне, в Египте, под египетским звездным небом. Тогда его окружило то, что видно лишь ясновидящему. И из этого в нем расцвело то, что выразилось как видение будущей эволюции человечества».

В лекции «Интимность кармы» ** Рудольф Штейнер говорит о Соловьёве следующее: «Для тех, кто причастен к оккультной, духовной жизни, оказалось что-то весьма достопримечательное. Люди, которые сопереживали то, что происходит в духовном мире вокруг нас примерно в восьмидесятых-девяностых годах прошлого века, могли оккультно воспринимать влияние одной достопримечательной личности — я привожу только один пример из многих, — но это влияние было таким, что люди при этом

* Сочинения и доклады Рудольфа Штейнера в принципе заново изданы в «Rudolf Steiner Gesamtausgabe» (Rudolf Steiner Verlag, Dornach, в 350 томах), и переводы здесь указаны сноской на «G. A.» и номер тома. — Доклад был прочитан в Локарно, G. A. 130, с. 32.

** «Интимность кармы». — Лекция, прочитанная в Вене 9 февраля 1912 года, G. A. 130, с. 271.

себя не совсем хорошо чувствовали. А те, которые могли воспринять влияние очень далеко живших современников, чувствовали эфирные лучи, исходящие от одной личности; но эти лучи не были вполне гармоничны. Наступил новый век, и современники почувствовали, что влияния стали гармоничными. Что же случилось? Я укажу вам сейчас на причину: 12 августа 1900 года умерла личность, недостаточно оцененная, — Соловьев. У него было эфирное тело, которое светилось, но его голова, интеллект, хоть Соловьев и был великим философом, не поспел за душой. Велико и прекрасно его мышление, но его сознательная философия не была столь ценной, как то, что он нес в своей душе. Голова этому мешала, и поэтому его оккультное влияние было негармоничным. Когда он умер и мозг его отделился от эфирного тела, эфирное тело продолжало светиться в эфирном мире, оно освободилось от его мышления, которое на него больше не влияло, и сияло совершенно замечательно».

Весной 1912 года Рудольф Штейнер приехал в Хельсинки, чтобы прочесть цикл докладов «Духовные существа в небесных телах и природе». 11 апреля он прочел доклад специально для русских, приехавших в Финляндию*, а через год, 5 июня 1913 года, он снова прочел лекцию «только для русских» в рамках цикла докладов об «Оккультных основах Бадаватгита»². (Штейнера пригласили русские друзья прочитать этот доклад в России, но русское правительство его не впустило.) В этих удивительных лекциях Штейнер говорил о том, как прекрасна русская молодая душа народа («архангел русского народа»), какое у нее удивительное будущее и как она расцветет в шестой послеатлантической культуре, если русский народ окажется достойным ее.

/Культурные эпохи Штейнер определял, во-первых, эмпирически, исходя из исторического наблюдения; великие мировые культурные эпохи проходят примерно через двухтысячелетний цикл: та мировая культурная эпоха, центром которой являлись Египет и Вавилон, достигла своего расцвета в третьем и втором тысячелетиях до Р. Х.; греко-римская культурная эпоха продолжалась с начала первого тысячелетия до Р. Х. до конца первого тысячелетия после Р. Х. (Ее влияние, конечно, продолжалось и после.) Также и первая земледельческая культурная эпоха, исходящая из Персии, как видно, достигла своего расцвета в пятом и четвертом тысячелетиях до Р. Х. Во-вторых, Штейнер указы-

* Эта лекция в свое время была плохо записана и плохо переведена на русский язык. Версия, здесь цитируемая, является переводом немецкой записи. Немецкий оригинал: G. A. 158, с. 203.

вал на то, что эмпирическое наблюдение сходится с астрономическими эпохами, которые следуют из подразделения «великого платонического года» на 12 частей. Этот «великий год» равняется 25 920 солнечным годам и объясняется тем, что весеннее равноденствие начинается из года в год все раньше и раньше на очень короткое время, но так, что через 2160 лет весна начинается на месяц раньше. Если следовать знакам зодиака, 2000 лет тому назад, во время греко-римской культурной эпохи, при весеннем равноденствии солнце стояло в знаке «Овен», а теперь — в знаке «Рыбы». В течение 25 920 лет весна как бы проходит через все 12 знаков, а двенадцатую часть, т. е. 2160 лет, Рудольф Штейнер считал «точным» периодом каждой «культурной эпохи».

По этому расчету, шестая, послееатлантическая, эпоха наступит приблизительно через 1600 лет, когда весеннее положение солнца войдет в знак «Водолея». (Выражение «послееатлантическая эпоха» совпадает примерно с геологическим понятием «последнеледниковый период».)/

В лекции, прочитанной 11 апреля 1912 года, Рудольф Штейнер говорит: «Духовное содержание теософии может найти та душа, которая жаждет и томится по духовному содержанию... Я знаю, что русская народная душа томится по том духе, который выражен в теософии. Она томится всеми силами, на которые она способна... Наиболее трагично это предстало перед моими глазами... около 1900 года. Это было тем более трагично в то время, ибо тогда нечто бросалось в глаза, что я сам себе мог правильно объяснить лишь намного позже; в тот момент мне стало ясно, как мало мы, в сущности, понимаем русскую народную душу. Мы, в Западной Европе, познакомились с очень многим из России, и очень многое из России произвело на нас большое, могущественное впечатление; мы познакомились с великими импульсами Толстого, с психологией Достоевского, которая так потрясла Западную Европу, и, наконец, познакомились с таким духом, как дух Соловьева, который повсюду производит впечатление — если только ему разрешат на себя повлиять; он точно такой, как он пишет. И то, что он писал, видно в правильном свете лишь тогда, когда читатель чувствует стоящую за ним русскую народную душу. И эта русская народная душа может высказать намного больше, чем даже сам Соловьев мог высказать, так как многое, принятое Западной Европой, действует на наши сердца и мешает. Подумайте, дорогие друзья, о выражении «чувство ответственности» и запомните, что ваше задание заключается в том, чтобы вы оказались достойными русской народной души и что вы должны понять томление русской народной души согласно

сверхличной теософии. Если вы поймете то, что является самым сокровенным импульсом теософии, тогда вам придется задать целый ряд вопросов, которые могут исходить только из русской души: душевные вопросы к духовным вопросам теософии. Я лично испытывал столько благородных, прекрасных, хороших выражений чувств из Восточной Европы, столько подлинного, истинного, столько человеческой любви и доброты, столько человеческого сострадания, безгрешного чувства, как таковое можно себе представить, столько тонкого, интимного наблюдения того, что существует в мире, столько интенсивной точной связи с силами бытия! И исходя из таких добрых, красивых и благородных чувств, люди, принадлежащие к русскому народу, задавали мне очень много вопросов, которые необходимо задавать, потому что они такие, что без ответа на них человечество в будущем не сможет существовать. Вопросы, которые могут быть заданы только людьми из Восточной Европы: их мне задавала до сих пор только русская народная душа, русская народная душа на возвышенном уровне. Мне часто приходилось думать, что дети этой народной души еще имеют возможность понять свою народную душу, понять, к чему эта народная душа стремится, как много еще их отделяет от самой народной души. Поэтому не бойтесь искать путь к вашей народной душе, путь, который вы можете найти, если вы захотите. В душе вашего народа вы найдете те вопросы, без ответа на которые человечество в будущем не сможет жить. Но не бойтесь при этом выходить за пределы ваших личных интересов; запомните чувство вашей великой ответственности по отношению к русской народной душе; запомните это чувство, так как в будущем народная душа будет нуждаться в своих детях, в людях, чтобы достигнуть своей цели».

В цикле «Симптоматология истории» * Р. Штейнер опять говорит об особой связи Соловьева с русским народом и западной культурой.

/С начала XV века Штейнер отмечает три разных европейских, национальных и религиозных подхода к «феномену действующего импульса Христа». В Восточной Европе этот подход был подготовлен и вызван расколом между Западной и Восточной Церквями в девятом веке, подстроенным папой Николаем Первым и константинопольским патриархом Фотием. Это повело к перемещению Христова импульса с его особой интенсивностью в восточную часть Европы и к созданию там истинного «Христо-

* «Симптоматология истории» переведена по изданию 1842 г. Доклады прочитаны в Дорнахе 2 и 3 ноября 1918 года.

ва народа», к «метаморфозе Христова импульса», причем люди, принадлежащие к этой области европейского востока, открывали свои души продолжавшемуся влиянию Христова импульса, продолжающейся актуальности Христова дуновения. Так сложилось, что эта метаморфоза отодвинулась на восток и что *русский народ в самом широком смысле слова* стал в европейской цивилизации этим самым «Христовым народом»!

Другой подход повел к тому, что «духовная власть Христа превращена в светскую власть Церкви», и в то же самое время появление Христа стало вопросом светской мощи «и повело к перепутыванию вопросов светской мощи и церковной администрации». Этот основной подход к Христову импульсу исходил из Рима и выразился самым ярким образом в иезуитизме. Все те народы, на которые Рим влиял таким образом, приняли характер «церковного народа». «В области истинного церковного народа существует также подход, который диаметрально противоположен иезуитизму, подход, который желает полного отсутствия духовного момента во внешних правительственных соотношениях. Он желает, чтобы Христов импульс действовал на души и только косвенным путем, через души, на внешний мир». Это, исходя из Гете, называется гетианизмом.

Третий подход возник в Европе сначала у народностей кельтской культуры. Это — «антидемократический, организованный, аристократический элемент» с «сильным стремлением к жизни в социальной общине, но с присутствием приказывающих и служащих, руководителей и руководимых». Имагинативным прообразом этого социального идеала является король Артур³, круглый стол и его рыцари. При таком походе «социальная жизнь была организована» и «духовный элемент представлен как включенный в социальный». Таким образом, на западе Европы, и особенно среди населения, говорящего по-английски, развился характер, который можно назвать «народом лож». При этом самом западном подходе к Христову импульсу сам импульс «становится под вопрос», «ослабляется даже больше», чем у церковного народа. Это ведет в результате к *деизму*⁴, к мировоззрению современного просвещения. «Бог создал мир и с тех пор отошел в сторону». При этом подходе «Христа снижают и превращают в учителя». «У церковного же народа «Христос — король», и у Христова народа — «Христос — дух»./

«...Что это значит, когда говорят, что там образовался Христов народ?.. Это значит, что в Восточной Европе всегда были люди, которые тесно связаны с Христовым импульсом, и люди, у которых Христов импульс определенным образом всегда обнов-

ляется. Христос всегда присутствует как внутренняя аура, пронизывающая мышление и чувства этого народа. Может быть, нельзя найти более ясного внешнего непосредственного доказательства того, что я сейчас сказал, чем такая личность, как Соловьев, великий философ русского народа в новейшее время; читайте его и почувствуйте, как, несмотря на все качества, о которых я упомянул, говоря о Соловьеве с другой точки зрения, в него продолжает вливаться то, что можно называть инспирацией Христа; таким образом, Соловьев представляет себе всю форму внешней социальной жизни человека так, что Христос есть король, невидимый Христос есть король человеческой социальной общины; таким образом, все пронизано Христом, так что каждое действие, которое совершает человек, в сущности, потому совершается, что Христов импульс действует вплоть до мускулов. Чистейший, прекраснейший представитель Христова народа это философ Владимир Соловьев».

Штейнер упоминает Соловьева в этой лекции еще два раза: «Соловьев как бы желает поднять земной мир на уровень божественного мира. Он не желает снижать божественный мир до уровня земного мира, в противоположность иезуитизму, а наоборот, <хочет> возвысить то, что находится здесь, внизу, на уровень духовного мира. У настоящего Христова народа это желание в сущности его характера. Это выражает и Соловьев довольно ясно, хотя и не всегда».

В 1924 году, в самом конце четвертого цикла, в одной из последних его лекций Штейнер снова говорит о Соловьеве:

/Речь идет о так называемых кармических докладах, которые д-р Штейнер прочел в последний год своей жизни. Эти доклады изданы под заглавием «Esoterische Betrachtungen karmischer Zusammenhänge» *. В этих докладах Р. Штейнер сообщил свои знания о конкретных и индивидуальных связях перевоплощения личностей, известных в истории. До того он нигде не упоминал об этом или говорил только в исключительных случаях, так как ему казалось, что слушатели его недостаточно созрели для восприятия таких сведений. Штейнер поставил условием, чтобы подобного рода сообщения никогда не передавались в сокращенном виде, а только в полном тексте. Д-р Штейнер сказал, что собирается назвать некоторые индивидуальные воплощения и перевоплощения «как примеры», чтобы показать, «как выдающиеся личности» современности вносят прошлое в эту современность»./

* G. A. 238, с. 126.

«...Я хочу привести теперь другой пример, который всем вам может быть очень ценен, говоря о котором, я готов почти отпрянуть, боясь говорить об этом легкомысленно, *но который так глубоко вводит нас во всю духовную обстановку современности, что я не могу не привести именно этот пример...* Я хочу упомянуть личность, которая необыкновенно характерна для того, что переносится из прошлого в современность, и для того, как это переносится. Я часто указывал, и это вам известно также из внешней истории, что в четвертом веке состоялся *Никейский собор*, тот Собор, на котором для Западной Европы было принято решение о правоте афанасианства и на котором был осужден арианизм. Это был Собор, на котором проявилась вся ученость личностей, игравших роль в первые христианские века, на котором спорили с действительно глубоко идущими идеями, где душа человека еще имела совсем другое устройство, где душа человека считала само собой разумеющимся жить непосредственно в духовном мире и где со смыслом можно было спорить о том, был ли Христос Сыном одинаковой сущности с Отцом или лишь подобной сущности с Отцом. Это последнее утверждали ариане. Мы не будем сегодня углубляться в догматические различия обоих утверждений, но мы должны иметь в виду, что речь идет о необыкновенно остром рассуждении, которое обсуждалось с помощью интеллекта той эпохи.

Если мы сегодня остро мыслим, мы это делаем как люди. Сегодня все люди остро мыслят. Я это говорил часто: люди очень разумны... Сегодня они умеют мыслить — не правда ли? Это немного, но люди сегодня это умеют: я могу быть очень глупым, но могу мыслить... Люди умеют сегодня мыслить. Тогда было не то, что люди умели мыслить, тогда они ощущали мысли как *инспирацию*. Тот, кто остро мыслил, ощущал себя под Божьей благодатью, и мысль была своего рода ясновидением. Это было абсолютно так еще в четвертом веке после Р. Х. И те, кто слушал мыслителя, ощущали также немножко и эволюцию его мышления.

На этом Соборе присутствовала личность, которая принимала участие в этой дискуссии, но которая была в высшей степени огорчена исходом Собора; она старалась тогда привести аргументы для обеих сторон. Эта личность приводила серьезные аргументы как в пользу арианизма, так и в пользу афанасианизма, — и если бы ее мнение было принято, вышло бы, несомненно, что-то совершенно другое. Не получилось бы своего рода гнилого компромисса между арианизмом и афанасианизмом, а получился бы синтез, такой синтез, который произвел бы, возможно, что-то

очень великое (не следует конструировать историю, но для пояснения это можно сказать), что привело бы к тому, что человеческое внутреннее божественное было бы гораздо интимнее связано с божественным мирозданием. По решению Собора, как афаназианизм представил это впоследствии, человеческая душа была бы совершенно отделена от своего божественного начала, и считалось даже ересью говорить о Боге внутри человека.

Если бы арианизм победил во всем, то, конечно, говорилось бы много о божественном начале в человеке, но никогда не происходило бы этого с необходимым внутренним благоговением и необходимым внутренним достоинством. Арианизм сам по себе, один бы смотрел на человека на каждой ступени как на воплощение находящегося в нем Бога. Это верно также и в отношении всякого зверя, всего мира, каждого камня, каждого растения. Это мнение ценно только тогда, если оно одновременно содержит в себе стремление подниматься все выше и выше в развитии, чтобы найти Бога. Утверждение, что мы имеем божественное в себе на любой ступени жизни, имеет только тогда смысл, если понимаешь это божественное в постоянном *стремлении подняться* «к себе самому», у которого мы еще не находимся. Но синтез обоих взглядов, несомненно, был бы достигнут, если бы та личность, о которой я говорю, могла бы добиться на Соборе сколько-нибудь решительного влияния.

Эта личность ушла глубоко неудовлетворенной в своего рода египетское уединение, жила особо аскетически, будучи основательно осведомленной — тогда, в четвертом веке, — обо всем, что было настоящей духовной субстанцией христианства; может быть, была одним из наиболее осведомленных христиан, живших тогда, но она *не была борцом*.

Даже манера, с которой эта личность выступала на Соборе, была подходом человека, спокойно, со всех сторон взвешивающего, но полного необыкновенного энтузиазма, только не по отношению к мелочам или однобокости; человека, который был, я хочу сказать, полон отвращения, — это было бы неправильным выражением, — но который был очень огорчен тем, что не смог ничего провести, так как он был вполне убежден, что для христианства было бы благом, если бы его взгляды проникли в него.

И он ушел в своего рода уединение, был отшельником до конца жизни, но отдался особому пути — *исследованию происхождения инспирации мысли*.

Мистическое углубление этой личности шло туда, где можно понять, откуда мысль берет свою инспирацию. Как бы в одной большой тоске это шло: найти в духовном мире происхождение

мышления. И эта личность была в конце совершенно заполнена этой тоской.

Она умерла в тоске, не найдя конкретного ответа на этот вопрос. Его не было. Время тогда было неблагоприятным.

Итак, эта личность переживала нечто своеобразное, проходя через смерть. Десятки лет после смерти она могла смотреть назад, на земную жизнь, видя все время, как эта земная жизнь пропитана тем, к чему эта личность пришла в самом конце. Она могла видеть в своем обратном созерцании, которое началось с момента смерти, непосредственно видеть, *как человек мыслит*.

Разрешения этого вопроса еще не было. Это важно. И хотя не было мысли, отвечающей на этот вопрос, личность эта сразу же после смерти смотрела в замечательно ясных имажинациях в интеллигенцию мироздания. Не мысль этого мироздания видела она — она бы это увидела, если бы то, о чем она тосковала, пришло бы к своему заключению, — не мысли мироздания видела она, но *образы мысли мироздания*.

Итак, эта личность жила между смертью и новым рождением в состоянии равновесия между мистическим имажинативным видением и острым мышлением прошлого, бывшего, однако, в течении, не пришедшем к заключению.

Сперва кармически оформленная мистическая склонность победила. Эта индивидуальность рождается в Средние века монахиней, ясновидящей, развившей чудесные видения духовного мира. Склонность к мышлению сперва ушла на задний план, а склонность к видениям выдвинулась на передний план. Чудесные видения с одновременной мистической самоотдачей Христу, с необыкновенно глубоким проникновением души видениями видимого христианства, видениями, в которых Христос являлся во главе кротких, несорящихся толп, толп, которые хотели распространить христианство своей кротостью, как это не было еще в реальности никогда на земле... Но это было в видениях монахини: очень интенсивное христианство, не подходившее к тому, что потом развилось в новой форме как христианство.

В течение жизни эта монахиня, эта ясновидящая, эта провидица, не оказалась в конфликте с позитивным христианством, но она выросла из позитивного христианства; она выросла сначала в индивидуальное своеобразное христианство — в христианство, которого, в сущности, на земле позже совсем не существовало. Так что той личности — я бы сказал — мирозданием был задан вопрос, как осуществить это христианство в новом воплощении в физическом теле.

И сразу же, когда эта ясновидящая, провидица, проходила через врата смерти, уже некоторое время витали перед ней отзвуки старого интеллектуализма, инспирированного интеллектуализма. Видения были, я бы сказал, как бы пронизаны идеями.

И тогда в поисках человеческого тела эта индивидуальность стала Соловьевым, *Владимиром Соловьевым*».

МОЙ ХРАМ, ДУХОВНОЕ ОДИНОЧЕСТВО ВЛ. СОЛОВЬЕВА

Поразительно, насколько Вл. Соловьев к концу жизни идет прямо к антропософии. То, что он недостаточно боролся за единую Церковь в своем прошлом воплощении в четвертом веке, о котором говорит Рудольф Штейнер в той части кармической лекции, которую я здесь привела, и «ушел в пустыню», его явно мучило до конца жизни. Конечно, в глубоком подсознании и он старался сделать в этой жизни то, что ему не удалось тогда. Соловьев страстно боролся за единую Церковь, за единую правду в философии, за догматическое согласие, а не за компромиссы, за единую традицию. Спор о догматах в Никее, в сущности, тоже шел о единой Церкви (как будто о том же самом, чего хотел Соловьев, но фактически о противоположном), до тех пор пока он понял, что все эти попытки к объединению Церквей являлись лишь абстракциями, лишены смысла, даже иллюзиями, действующими против смысла, ложными идеями, которые фактически исходят от страшного облика императора Константина, председательствовавшего в Никее, сияющего золотом и драгоценными камнями, как архангел Михаил, несмотря на то, что он не хотел быть христианином и для которого единая Церковь была важна только потому, что мощь одной, неразделенной Церкви была ему полезна.

Но к концу своей короткой жизни он понял, что на земле София еще не может воплотиться, что Она спускается на землю, что Она очень близка, но что душа человека не выросла до Софии, она поражена Люцифером, и человек не поднялся до того, чтобы в его душу спустился Христос. Поэтому и соборности, соборной Софии, на земле быть не может. В наше время были отдельные люди, достигнувшие этого состояния, но Соловьев был совершенно одинок в этом отношении. Он страстно искал людей, сознательно поднявшихся над уровнем материализма. /В данном случае я имею в виду материализм как способность мыслить только физическим мозгом./ Он находил их среди поэтов. Думаю, на этом зиждилась его любовь к Фету, Величко, Случевскому. Но у по-

этов духовность подсознательна и необязательно приводит к нравственности. Какую это у него вызвало тоску, видно из его речи о Лермонтове *: «О природе загробного существования мы ничего достоверного не знаем, а потому и говорить об этом не будем. Но есть нравственный закон, столь же непреложный, как закон математический, и он не допускает, чтобы человек испытывал после смерти превращения произвольные, не обоснованные его предыдущим нравственным подвигом. Если жизненный путь продолжается и за гробом, то, очевидно, он может продолжаться только с той степени, на которой остановился. А мы знаем, что как высока была степень прирожденной гениальности Лермонтова, так же низка была его степень нравственного усовершенствования. Лермонтов ушел с бременем неисполненного долга — развить тот задаток, великолепный и божественный, который он получил даром. Он был призван сообщить нам, своим потомкам, могучее движение вперед и вверх к истинному сверхчеловечеству, — но этого мы от него не получили. Мы можем об этом скорбеть, но то, что Лермонтов не исполнил своей обязанности к нам, конечно, не снимает с нас нашей обязанности к нему. Облегчить бремя душ (умерших) — вот наша обязанность. И у Лермонтова с бременем неисполненного призвания связано еще другое тяжелое бремя, облегчить которое мы можем и должны. Облекая в красоту формы ложные мысли и чувства, он делал и делает еще их привлекательными для неопытных, и если хоть один из малых сих вовлечен им на ложный путь, то сознание этого, теперь уже невольного и ясного для него, греха должно тяжелым камнем лежать на душе его. Обличая ложь воспетого им демонизма, только останавливающего людей на пути к их истинной сверхчеловеческой цели, мы, во всяком случае, подрываем ту ложь и уменьшаем хоть сколько-нибудь тяжесть, лежащую на этой великой душе. Вы мне поверите, что прежде чем говорить публично о Лермонтове, я подумал, чего требует от меня любовь к умершему, какой взгляд должен я высказать на его земную судьбу, — и я знаю, что тут, как и везде, один только взгляд, основанный на вечной правде, в самом деле нужен и современным и будущим поколениям, а прежде всего — самому отошедшему».

Эта тоска так же ясно выражена в шутливых стихах о Фете **::

Жил-был поэт
 Нам всем знаком.
 Под старость лет
 Стал дураком,

* Сочинения. Т. 9. С. 348.

** Стихотворения. С. 19.

а также:

Поговорим о том, чем наша жизнь согрета:
О дружбе Страхова, о камергерстве Фета.

Когда Фет умер, Соловьев очень чувствовал его послесмертную тоску:

Памяти А. А. Фета

Он был старик давно больной и хилый;
Дивились все — как долго мог он жить...
Но почему же с этою могилой
Меня не может время помирить?

Не скрыл он в землю дар безумных песен;
Он все сказал, что дух ему велел, —
Что ж — для меня не стал он бестелесен,
И взор его в душе не побледнел?

Здесь тайна есть... Мне слышатся призывы,
И скорбный стон с дрожащею мольбой...
Непримиренное вздыхает сиротливо,
И одинокое горюет над собой.

В своей поэзии Соловьев признавал свое прошлое и современное и заявлял свои намерения на будущее:

В тумане утреннем неверными шагами
Я шел к таинственным и чудным берегам.
Боролася заря с последними звездами,
Еще летали сны — и схваченная снами
Душа молилася неведомым богам.

В холодный белый день дорогой одинокой,
Как прежде, я иду в неведомой стране.
Рассеялся туман, и ясно видит око,
Как труден горный путь, и как еще далеко,
Далеко все, что грезилось мне.

И до полуночи неробкими шагами
Все буду я идти к желанным берегам,
Туда, где на горе, под новыми звездами
Весь пламенеющий победными огнями
Меня дождется мой заветный храм.

/Что значит этот «храм» Соловьева? Ясно, что это понятие включает в себя идею невидимой «Церкви» как нераздельно единой общины всех людей во всеобъемлющем духе, т. е. для Соловьева — Христа. Эту высшую общину всех он представлял себе как «Софию», и одновременно София значила для него мудрость, т. е. нераздельно единую науку об истине, в которой все соединено,

потому что, так же как истина существует или нет, так же наука о ней может быть только одна. Неистинная наука — не наука./

Не надо быть ясновидящим, а <нужно> только любить правду и уметь читать добросовестно, чтобы понять, где источник каждой книги, действия, лекции, каждого слова, написанного или сказанного Соловьевым.

Если человек ищет пути к истине и мудрости, к Христу и Его Матери, он найдет его сегодня только в антропософии и во вдохновленном ею искусстве, архитектуре, скульптуре, речи и драматическом искусстве, движении и музыке.

/Под руководством Рудольфа Штейнера в течение десяти лет, с 1912 по 1922 год, в Дорнахе, в Швейцарии, на месте, которое называлось Кровавая Горка, а теперь называется Горка Гетеанума, было построено здание, величайшее произведение искусства, архитектуры, скульптуры и художества. Это здание было посвящено художественным дисциплинам евритмии, речи, драмы и музыки, заполненным новыми импульсами Рудольфа Штейнера и его гениальной супруги-соратницы Марии Штейнер. Это здание — по мнению автора — было художественным выражением заветного «храма» Соловьева.

Здание не было закончено, оно сгорело до основания вследствие поджога в ночь под Новый год, в 1922 году, — «пламенеющее победными огнями» — как это представлял себе Соловьев. Как бы насмехаясь над духовными огнями, преступники подожгли произведение искусства, построенное из дерева, и таким образом «пламенеющий» храм был уничтожен. Но это здание было лишь представлением истинного храма духовной общины человечества, которая невидима, но не уничтожена./

Я не говорю о компромиссах, которые делают многие из тех, кто называет себя антропософами, а говорю о чистой антропософии. Конечно, соблазн закрепить, огородить всякий священный импульс учреждением очень велик, велик он также и в антропософских кругах. То, что произошло с Соловьевым, когда его мечта о соединении Церквей разбилась, снова произошло после смерти Рудольфа Штейнера среди тех, кто старался следовать его идеям и идти по его стопам. Оказалось, что всякая попытка организовать и направлять религиозную и духовную жизнь человека обречена на неудачу из-за «несовершенства людей». Невидимая, единая, высшая община людей, будь то Церковь или что-либо другое, на физической земле неосуществима.

В сказаниях и легендах, которые распевали неграмотные миннезингеры в Средние века, говорится, что чаша Грааля невидима и ее будущий хранитель, сын Парсифаля Иоганн, находится на Востоке, т. е. не на земле еще. Но он будет жить на земле, и тогда многие увидят Христа в Его теле воскресения. Постепенно Его уже начинают видеть, и конечно, не через внешнюю Церковь. В будущем Его увидят многие, и вождем этой эпохи будет Владимир Соловьев.

